

Запомни ЭТОТ МИГ...

Век. Моемби. - 1998. -
12 мая, - с. 3

Золотые «вечные мальчики» нашей поэзии как-то обескураживающе неожиданно свернули в лаврово-пенсионную колею дат и юбилеев.

Вот и Андрей Вознесенскому — 65

Виктор ГАЛАНТЕР

Нет смысла докладывать, что такое Вознесенский в нашей словесности. Кому надо — в курсе, кому нет — уже не объяснишь. Его не все любят, но все знают. Кто любит — счастливо, как в романе.

Так повелось у нас, что жизнь заметного поэта сама по себе — роман, перипетии которого на устах внимательной публики. От Пушкина до Евтушенко. Роман душещипательный, скандальный, авантурный, амурный и далее по жанрам. Наш герой удачно или нет оказался лишен романтического демонизма. «Истории» — это не про него. Если что и «было», так мельком, без канонады слухов, легенд и анекдотов.

Его «амуры» — в музыке его строф, подчас как будто бы полузабытых и — вдруг — нечаянно прочеркнутых в сознании. Как нота разбуженного саксофона.

**Запомни этот миг и молодой шиповник,
И на твоём плече прививку от него...**

В этой нечаянности — их прелесть. Память имеет счастливое свойство изолировать туфту.

...Говорила геолог, молодая и зяблая:

«Это летчик Володя целовал меня в яблонях».

Для меня Вознесенский вообще поэт — любовный. Лирик покруче Фета. Как-то эта есенинская ипостась его стихов пренебрежительно (или неумно?) завуалирована дежурной критикой. Толковали все больше про «антимирры», «параболы» и иные энтэро-итээровские прибабасы. Тут, видимо, прикладная писаревская родословная отечественной критики выклеивалась... Хотя, конечно, и сам вдоволь поработал на «реноме» Андрей Андреевич, «соловей асфальта». Между тем как его сакраментальная «современность» — не пресловутая «социальность» и не вульгарная «злободневность» — хрупкий позвонок Времени в гуттаперчевом хребте Вечности.

Мы обручились временем с тобой,

Не кольцами, а электрочасами.

Мне страшно, что минуты исчезают,

Они согреты милою рукой.

От этой «современности», похоже, и небрежная снисходительность рафинированных гуманитариев: Вознесенский — поэт «для физиков и инженеров». Как будто поэту надлежит быть поэтом для доцентов филологического факультета.

Он — из шестидесятых, но в нем нет горлопанистой «принципиальности» бойцовых петухов нашей культуры, клюющих уже беззубыми ртами остывшую задницу коммунизма. Принципиальность — достоинство дураков. Запоздалая принципиальность — еще и пошлость.

То есть он вроде бы из «шестидесятников», но как бы и нет.

Унылое литературное учительство, когда «поэт в России больше, чем поэт», тоже не из его арсенала. Он не больше, но и не меньше, чем поэт.

Искрометно-пронзительный певчий дрозд нашей поэзии.

Он не ходил ни на баррикады, ни в депутаты. Он сидел на даче и писал так:

**Прощай, моя мама, у окон
Ты станешь прозрачно как кокон,
Наверно, умаялась за день,**

присядем.

Ныне он тихо складывает «витражи» и монтирует «видеоумы». Кому-то это кажется «чуждачествами таланта». Не буду врать, что я не из числа этих сограждан. Но ему плевать на то, что я думаю, — и он прав.

Ах, покатила, ах, полетела...

Вслед тебе воют волки лесничества...

**Майки изогнутая бретелька — как отпечаток
шейки скрипичной.**

* Нечаянные цитаты не по книжкам — по любви, извините, если что не так.